

АННА
СМЕРЧЕК
ЧТО НЕ ТАК С КОТОМ?

12+

Анна Смерчек

Что не так с котом?

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смерчек А.

Что не так с котом? / А. Смерчек — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборник вошли три истории о том, как появление питомца может изменить жизнь. Зачем аспирантка Леночка украла музейный экспонат? Как бродячая собака пробралась на территорию закрытой воинской части? И самое интересное: что не так с котом скучного парня Семёна? Ответы на эти вопросы удивят читателей и оставят хорошее настроение на весь день.

Содержание

Антинаучно	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Антинаучно

Звук был тихий, поначалу неразличимый, но стоило настроиться на эту волну, как не слышать его становилось невозможно. Теперь уже казалось, что он заполнял всё пространство зала, проникал в каждую щель. Может, это ветка под порывами ветра царапает стекло? Да нет, здесь нет деревьев под окнами. Только голая унылая улица. И всё равно, словно коготком кто-то скребет. Ой, подумала Леночка, неужели мыши? Переступила брезгливо с ноги на ногу на скрипучем музейном паркете, прислушалась. Звук доносился вроде бы от витрины с *Hyacinthus minutus*.

Леночка подошла поближе, заглянула в щель между стеклом и стеной. Ничего не увидела, кроме пыльной темноты. Но звук стал отчетливее, и шел он вроде бы даже не снизу, не от пола. Она обошла витрину, заглянула с другой стороны. И тут звук стал вдруг громче, а потом что-то затрещало, словно разорвался лист плотной бумаги или разломилась яичная скорлупа.

Скорлупа! Леночка даже втянула голову в плечи от нехорошего предчувствия, но сама себе не поверила.

«Нет! Этого не может быть!» – она сморщила нос и перевела взгляд на то, что было отгорожено витринным стеклом. Там грамотно с точки зрения музейной наглядности, хотя, может, и не очень живописно раскорячилась ветка с чучелком маленькой, не больше ладони птички с редким в природе синим опереньем глубокого фиалкового оттенка. Рядом с птичкой, найденной, если верить табличке, уже больше, чем сто лет назад, прилепилось на ветке гнездо – соломенный комочек с аккуратными, гладенькими яичками так и не вылупившихся птенцов. Тоже синими, присыпанными малюсенькими темными точечками, точно булочка маковыми зернышками. Они выглядели такими хрупкими и беззащитными, словно выражали молчаливый упрек населяющему планету человечеству с его вырубкой лесов и прочей неуместной активностью. Сколько их было здесь раньше? Два или всё-таки три – точно в сказке? Леночка сделала пару шагов вдоль витрины, пригляделась и заметила в гнезде и на сухой блеклой траве внизу совершенно недопустимые и возмутительные синие веснушчатые скорлупки.

«Мыши, – подумала Леночка. – Так и есть, мыши! Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и...»

Она ещё даже не успела додумать эту детскую аксиому до конца, как разглядела в бутфорской траве синий комочек, совсем маленький, размером с мышонка. Леночка поправила очки и вытянула шею, почти уткнулась носом в витринное стекло, пытаясь разглядеть существо совсем немышинных очертаний.

Птенец сидел нахохлившись, выставив вперед крошечный клювик, то и дело взмаргивая, как и положено настоящей птице: прикрывая блестящие глазёнки пленочками нижних век.

Леночка застыла у стекла, словно змея, увидевшая добычу – не сводя с птенца глаз и даже перестав дышать. Только в отличие от змеи, она отдала бы сейчас всё, лишь бы не видеть перед собой этого совершенно невозможного с точки зрения науки и здравого смысла живого существа.

Птенец не мог вылупиться из яйца через сто лет! Это антинаучно! Надо его скорее спрятать, вынуть оттуда, рассудила Леночка, и тогда никто ничего не узнает!

Она оглянулась, шмыгнула к дверям, прикрыла на всякий случай предательски скрипнувшие в тишине створки. Бегом вернулась к витрине. Скорее, пока никто не пришел! Какое счастье, что сегодня музей закрыт для посетителей!

Морщась от усилия и от испуга, она открыла витрину, просунула руку внутрь, быстро выбрала из чашечки гнезда скорлупки, одну за одной – хрупкие, тоненькие. Собрала все в ладонь. С витринного пола, из переплетения травинок дрожащими пальцами подняла ещё два синих осколочка. Сунула, воровато оглянувшись, в карман кофты. Замерла на минуту, не реша-

ясь дотронуться до маленького живого существа. Потом всё-таки собралась, протянула руку, осторожно, лодочкой сложив ладошку, подхватила легонький комочек и вытащила из витрины.

Малюсенькое существо повернуло головку на бок, посмотрело на неё одним блестящим глазиком. А Леночка только мельком глянула и прикрыла птенца второй ладонью.

«Это антинаучно!» – повторила она про себя, да так и осталась стоять, глядя на застывшее чучелко птицы в витрине. Вокруг всё было неподвижно, и Леночка впервые почувствовала, как это надёжно и правильно. Птенец явно больше не вписывался в этот музейный порядок. Птенца надо было убрать, вынести отсюда и переместить туда, куда он теперь относился со своим еле заметным трепетанием малюсеньких крылышек и бешеным биением крошечного сердца. Она с тоской посмотрела в окно. Там, разбрызгивая апрельскую слякоть, летели машины, шагали люди, всё трепыхалось, беспорядочно жило и суетливо двигалось.

Леночка прошла в кабинет, снова радуясь, что сегодня в отделе она одна. Ну, конечно, кого же ещё было поставить сегодня на дежурство?

«Сможете спокойно поработать над вашей кандидатской», – сказала Тамара Георгиевна, склоняя седые кудряшки над расписанием работы их сектора.

«Издаётся, – подумала тогда с обидой Леночка. – Я, значит, должна над кандидатской работать, а вы все будете отдыхать! И за что только вы меня так ненавидите?»

Если бы она тогда знала, что ещё и вот такое случится, точно бы соврала, что заболела и осталась бы дома. Но кто же мог предполагать, что такое произойдёт, кто мог бы представить себе, что такое вообще возможно!

«Безобразие!» – подумала Леночка, вытряхнула из картонной коробочки несколько пыльных карточек каталога, постелила на дно бумажную салфетку, поскорее пристроила туда птенца, чтобы не чувствовать больше ладонями его тонкие перья и лапки. Птенец послушно застыл в картонке, только снова чуть наклонил на бок головку, оценивая Леночкины старания вторым блестящим глазиком. Она налила несколько капель воды в крышку от бутылки, поставила перед ним, легонько, одним пальцем подтолкнула, макнула клювик в воду. И что дальше? Что с ним делать?

Леночка достала из книжного шкафа толстый справочник, полистала, нашла нужный раздел, ознакомилась. *Hyacinthus minutus*: вымерший вид. Ареал обитания, половой диморфизм. Предположительно могли издавать набор флейтовых свистов. Только вот свистов ещё сейчас не хватало! Гнездование. В начале апреля самка садилась на кладку из двух-трёх яиц. Птенцы появлялись на свет через десять-двенадцать дней. Спустя две недели покидали гнездо, укрывались в траве неподалеку. Так. Корм? Главным образом, мелкие насекомые. «И где мне их взять сейчас, в апреле?» – с тоской подумала Леночка и брезгливо поморщилась, представив себе, что придётся идти в зоомагазин. Вздохнула. Стала читать дальше. В зимний период рацион питания включал ягоды, семена, зерна. Она с облегчением выдвинула нижний ящик стола, достала начатую уже плитку шоколада и пакетик с сухофруктами. Шоколад – себе, фрукты – птичке. С сомнением покатала на ладони сморщенные сухие изюминки, потом придумала, как сделать. Положила их в рот, пожевала, выплюнула на ладонь и эту кашу поднесла птенцу. Он сначала только сморгнул, но потом сообразил, раскрыл малюсенький клювик.

Покормив птенца, Леночка немного успокоилась. Зашуршала фольгой, сунула в рот кусок шоколада и подумала снова: «Этого просто не может быть! У вымерших сто лет назад птиц не бывает птенцов». Но птенец был, бесспорно существовал, помещался прямо перед ней на столе, в коробке. Сидел, чуть нахохлившись, распушив перышки. Леночка легонько провела по ним пальцем. Перышки были прохладными и гладкими, словно неживыми. А цвет – совершенно неестественный! Как будто кто-то разлил чернила, а птенец в них вымазался, и стал весь синим с переливами: чуть темнее на макушке и между крылышками, а на грудке светлее.

– *Nyacinthus minutus*, – прошептала Леночка, всё ещё не веря своим глазам. Латинское слово лаской прошло по нёбу, выскользнуло, почти не коснувшись губ, и прошелестело по кабинету, словно кто-то развернул упаковку на подарочной коробке.

– Не выживет, – сделала прогноз Леночка и положила в рот ещё кусок шоколада. Она огляделась, поискала глазами среди привычной обстановки какую-нибудь подсказку. Яркое торопливое апрельское солнце заливало лучами надоевшую уже, до мелочей знакомую обстановку: столы научных сотрудников, компьютеры и стопки книг, ослепительно выбеливало листы бумаги, высвечивало каждую пылинку. Здесь птичку оставлять было нельзя.

Если о происшествии станет известно, тут такое начнется! Тамара Георгиевна распереживается. Ручки в серебряных колечках на груди сожмет, брови взлетят над очками. Станет мелко-мелко трясти седой головой, и всё спрашивать, как же такое могло случиться. У неё всегда был безукоризненный порядок на экспозиции, а стоило Леночке остаться одной, так такое приключилось. И начнёт повторять одно и то же по сто раз. А как объяснить то, что произошло? А потом у Тамары Георгиевны ещё не дай Бог подскочит давление. И сердце прихватит. Леночка так и видела, как Серафима Ивановна держит над стаканом с водой темную медицинскую бутылочку, губами беззвучно отсчитывает капли, а сама поглядывает укоризненно на неё, на Леночку. Мол, как же можно было такое учудить, так подвести коллектив, так довести научного руководителя. Ведь знает прекрасно, что у Тамары Георгиевны возраст, и сердце, и давление. И Серафима, окрыленная чужими бедами, станет бегать по кабинету, впускать свежий воздух и уговаривать всех не волноваться. Прямо как заправский ангел-хранитель.

А Вячеслав Павлович! Ну, этот разведёт занудство! Погонит писать объяснительную, оформлять списание, изымать птенца с яйцом из всех каталогов и описей.

– По какой же статье тебя списывать? – шепотом спросила Леночка у птенца. – Скорлупу можно по ветхости списать. Стала совсем старой и рассыпалась. А тебя? У нас экспонаты ещё никогда не оживали. Может, тебя надо в коллекцию Зоологического сада перевести? Ты же государственный. Был на балансе муниципального музея. Только ты ведь теперь ещё питаться будешь. И убирать за тобой надо будет. Это всё, наверное, отдельные статьи расходов...

Леночка запуталась и порадовалась, что её никто, кроме птенца не слышал. Одно ясно: Вячеслав Павлович спасибо не скажет за ту гору документации, которую придётся оформлять для того, чтобы наделить правами на существование внезапно оживший экспонат.

«Заберу его домой, и никто ничего не узнает, – решила Леночка. – А если заметят, что одного яйца не хватает, скажу, что ничего не знаю. Да уж, повезло мне с коллегами, ничего не скажешь. Тоска зелёная. Шаг сделать в их присутствии страшно. И вечно эти придирки по любому поводу».

Леночка засуетилась, потом придумала: обернула коробку с птенцом шарфом и поставила её на дно своей сумки. Так его никто не увидит. А ему там тепло и воздуха достаточно.

По лестнице спустилась осторожно, воровато оглядываясь, прижимая сумку к груди. Вдруг представилось, что вахтерша остановит её сейчас и скажет:

– А ну-ка открой сумку! Что у тебя там?

Но она только кивнула как обычно:

– До свидания, Леночка!

Леночка выскочила на улицу, и когда тяжелая дверь за спиной глухо стукнув, закрылась, почувствовала, что всё самое страшное уже позади. Кто теперь докажет, что она вынесла музейный экспонат? Может, она сейчас здесь, прямо на асфальте этого птенца подобрала. На нём же, в конце концов, инвентарных номеров нет.

Потом она долго ждала автобус. Ветер был не по-весеннему пронизывающим. По небу летели низкие лохматые облака, промозглый воздух смешивался с выхлопными газами и заливал легкие предчувствием очередной неизбежной простуды.

«И что за жизнь такая: работа – дом, дом – работа», – думала Леночка, стараясь поднять повыше воротник куртки и закрепить его хоть как-то вокруг голой шеи – шарф-то был в сумке, прикрывал птенца. Наконец подошел автобус. Она ввинтилась в переполненный салон и тут же увидела этого, в сером шарфе.

«Опять он», – поёжилась Леночка, привычно отворачиваясь и стараясь ни в коем случае не встретиться взглядом с этим психом. Такой неприятный взгляд. Может, он вообще маньяк какой-нибудь. Она уже не первый день замечала эти его взгляды. И что смотрит?

«Выживает, когда я потеряю бдительность», – с самого начала поняла Леночка и с тех пор бдительности не теряла. Она отвернулась и, чтобы не упасть, ухватилась за поручень, противно нагретый чьей-то ладонью. Рукав куртки задрался чуть не до локтя. Очки на носу перекошились, и поправить их никак не удавалось. На следующей остановке вошли ещё люди. Ввалились, втиснулись, бесцеремонно крича над ухом, воняя потом, алкоголем и тошнотворно сладким парфюмом. Лево́й рукой Леночке приходилось теперь хоть как-то удерживать чью-то помятую, слишком большую спину, чтобы она не наваливалась на сумку, в которой на дне, в непрочной картонной коробочке сидел птенец. Леночка представила себе, как эта непомерная безглазая спина завалится на неё на повороте. И тогда в сумке на дне останется только комочек перьев и косточек. Она ещё сильнее уперлась рукой в эту ужасную спину.

– Вам что, выходить? – обернулась спина. – А сказать нельзя было? Обязательно толкаться надо?

Спина посторонилась, двери разъехались в стороны, и Леночка вывалилась на улицу, ступив одной ногой в лужу и тут же почувствовав, как холодная вода полилась в ботинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.